

Людам коломенского Арбата посвящается

ВОКЗАЛ

Галине Матвеевой

Недаром возле станции «Коломна»
умелый мастер выстроил Вокзал,
возвёл портал и стройные колонки
витым чугунным кружевом связал.

И возле этих пышных римских арок
потёк волной коломенский народ.
...Но главный и загадочный подарок
приберегал Судьбы круговорот...

В палящий жар и зной тридцать шестого,
нежданна и проста — царица слова —
неузнанною Музою вошла,

не встречена ни славой, ни толпою...
Но с этих пор Ахматовской тропую
трепещут рифмы — звонкие крыла!

БОГОЯВЛЕНИЕ - В-ГОНЧАРАХ

Отцу Игорю Бычкову

Этой весною дружною
наперекор ветрам
кружевом, тонким кружевом
реет Гончарский храм.

Там, над стеной лазурною,
светят кресты ажурные,

там, по узору стен,
кружевами белёными,
всходами и колоннами
связан воздушный плен.

Кажется — ангел кружится...
И в облаках времён —
кружевом, звонким кружевом —
злато его корон!

УЛИЦЫ С ПРОЗОРАМИ

Ольге Бураковой

Путей посадских звонкие прозоры...
А в небе — меж купеческих дворов —
встают сады за гроздьями заборов,
да храмы — то Никола, то Покров.

И звонницы на пологе ветров
медовые псалмы выводят хором...
Здесь каждый дом надёжен и суров:
ворота и наличники — в узорах.

Здесь каждый день — серебряным рублём
ложится между бытом и былём
в секретный плен — шкатулку-подголовник.

Но старые дворы встречают нас,
и шепчут свой загадочный рассказ
то вишни, то коломенский шиповник.

НИКИТА МУЧЕНИК

Сергею Прохорову

Упругой резьбой над цветной стеной
ласкают храм завитки барокко,
и шпиль колокольни звенит весной,
и облако вяжет роскошным клоком.

А в гулком храме стихает зной,
икон серебро восстаёт потоком,
и Голубь, неведомый, неземной,
летит под свод — высоко-высоко.

И око намоленных образов,
и Крест-мощевик, и бронзовый зов,
и вышитых риз огневой стеклярус —

всё сказкою кажется ввечеру...

И весело бегает по двору
смешной попёнок — малыш Гиляров.

ПРОГУЛКА

Земная гостья — и мечта.

Шервинский

В Коломну от Песков — маршрут неблизкий,
а всё ж на Город надо бы взглянуть!
Два верных друга — Горнунг и Шервинский —
сопровождают гостью в долгий путь.

«Пойдём ли нынче к Дому воеводы?»,

а та в ответ сурово: «Ну уж нет!»

И верно: слишком жаркие погоды,
и слишком плотен зной, и ярк свет,

и хочется вздохнуть в тени под кровом...

Один лишь взгляд — фотограф очарован!

Мгновенье — и стеклянной тонкой рамой
Захвачены и Анна, и Арбат!

И этот миг сковал арбатский мрамор,
загадками и сказками богат...

АХМАТОВА. ПОСАД, 16 ИЮЛЯ 1936

Был вещим этот сон, или не вещим...

А. А.

Она одна. И город-призрак —
как будто сон далёких дней.
Безмолвье колокольни... Признак
грядущих казней и огней.

Июль... И зной — по всей Отчизне,
и небо — жарче и грозней.
Она одна. Посад — безжизнен,
и тень бессмертия — над ней.

Придёт венец её скитаний,
И эта тень — металлом станет,
чтобы уже не умереть.

Среди смятенья мирового
звучит ахматовское слово,
навек врезанное в медь.

МИХАИЛ МЕЩЕРЯКОВ

Мы одной с тобою школы...

М. М.

Сверкнёт в саду посадском клад укрomный,
раскроется окованный ларец...
Идёт полузабытою Коломною
с мелодией волшебною певец.

И камни стародавнего Посада
хранят в тиши вечернюю усладу...

А в небе плещет золото заката
вином на зачарованном пиру,
когда пришедший к нам Орфей Арбата
касается своих нездешних струн.

И время растворяется... И мнится
в мерцанье этой медленной зари:
Коломна, словно каменная птица,
недвижно в тихом воздухе парит.

ШЕВЛЯГИНСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Аркадию Арзуманову

Под вечер — тише жизненная гонка,
и если на закат прийти сюда —
увидишь, будто в давние года,
храм Рождества, вонзённый в небо звонко,

усадеб старых грузные стада,
да стройную чугунную колонку,
откуда бьёт струёй алмазно-тонкой
шевлягинская лёгкая вода...

Цветущие сады, разливы детства,
и древний парк, и дремлющее Земство,
и тут же, снова — звонница и храм...

Как всё это назвать ясней и проще?
— Старинная Шевлягинская площадь,
от предков заповеданная нам!

ПИЛЬНЯК

Опять октябрь. И россыпи рябин
собрали горечь летнего угара.
Ты видишь дней библейскую отару,
ты снова здесь, на звоннице, один.

Ты снова вспоминаешь пыль равнин, —
как будто вновь идут Ордой татары;
а за Москва-рекой — огни пожара,
и в небе — Марса бешеный рубин.

Разруха. Тиф. И казни без закона.
Мешочники. Безумные вагоны,
седеющие страхом и мукой.

...Опять октябрь. И вновь с вершины этой
ты вспомнишь всё: и проклятое лето,
и зарево пожара за рекой.

СКАЗКИ АРБАТА

Татьяне Стукниной

Кружевница, насмешливый ангел!
Ну откуда ты знаешь секрет
оживлять золотые фаланги
позабывших арбатских побед?!

Только голос, улыбка, движенье,
только трепетный флёр старины —
и толпой воскресают виденья,
вспоминаются сказки и сны.

Что же есть неземного такого
в этих ясных очах васильковых?

Кто поймёт!.. Кто поделится с нами?
Может, ветер загадочных троп,
что чуть слышно кружит лепестками —
лепестками ахматовских строк...

ПОДСВЕЧНИКИ

П. С.

Старинные покои, переходы —
куда же без свечей, любезный брат?
Как будто стражи комнат и комодов,
подсвечники надменные стоят.

Хранят они тепло прикосновений,
секреты писем и страницы книг,
и вешнее дыхание сирени,
и в зеркале седом — девичий лик.

На их броне — клеймо надёжной Тулы,
арбатских звонниц отзвуки и гулы,
и вечер, и коломенский июнь...

Мелодия простой и стройной прозы:
сверкающая золотом и бронзой
изысканная тульская латунь.

ДОМ ВОЕВОДЫ

Здесь от Николы — пять минут ходьбы,
и ты увидишь диво — Дом почтенный:
как будто крепость, рдеющие стены,
узоры белокаменной резьбы;

а рядом, у садовой городьбы —
цветущих вишен пепельная пена...
...Видать, хозяин дал большую цену
за этот знак купеческой судьбы!

И вот, под кровлей вычурно-высокой,
белеет снег московского барокко
и веет сонной негой тишина...

Но слышишь? — зазвонили у Никиты!
Вдохнули вишни, кипенью облиты...
Коломенское кружево... Весна.

КАБИНЕТ

*Фарфор и бронза на столе...
Пушкин*

Ковры пытливей мысли — клади книг,
парящие по стенам кабинета;
фарфор и бронза милых статуэток,
и на обоях — солнца медный блик...

Вот — мрамором белеет светлый лик.
Вот — старые картины и портреты,
миниатюры схвачены багетом;
не дом, а зашифрованный дневник!

И вот — заветный ключ к узорам шифра:
тугие строки пушкинского мифа,
звнящие в просторе голубом

над Святогорьем — тихо, отдаленно...
И силуэт их — словно листья клёна,
уложенные в пушкинский альбом.

АЛЕКСАНДР СВЕШНИКОВ

Такая в нём и грусть, и сила...

Константин Петросов

В коломенской весне — вечерний звон
повеял золотистым переливом,
цветами вишни, яблоки и сливы
осыпал драгоценный горизонт.

Церквей посадских сладостный полон:
глаголет медь — тревожно и красиво,
как будто ледоход неторопливый,
как будто гроз волнующий озон!

И всё это запомнилось по-детски:
и этот цвет, и волн речные плески,
и слитный хор, что к небу вознесён...

Исчезло всё за глыбами разлуки...
Но старый дирижёр поднимет руки —
и снова зазвучит — «Вечерний звон»!

ПОСАД

Светел пятиглавый дом Николин...

Евгений Кузнецов

Посадский мир! — осанистый, богатый...
везде видна Николина глава:
от улицы Рождественской — к Арбату,
от Мученика — аж до Покрова.

И сколько здесь домов, и судеб сколько
поставлено заботой и трудом
вдоль бесконечной улицы Никольской,
чтобы сойтись в один Посадский дом!

И на углу Никольской и Арбата
в густой ночи таится, будто сон,
закованный в узорчатые латы
Николин страж — святой Сорокозвон...

И льёт, и копит бронзовые гимны
Посад Коломны — Дом странноприимный!

СТАТИСТИК НИКОЛАЙ ПЕТРОПАВЛОВ

Там тень его осталась...

Ахматова

Беседа увлечённая течёт —
посадский чай не знает слова «скука».
...Потом он Пильняку протянет руку
и с лёгкою усмешкой проречёт:

«Учёному за точность — и почёт,
(статистика — упорная наука!),
идёт от Вавилона и Урука
веками отчеканенный подсчёт».

А впереди — невидимые рифы...
Властитель ждёт не точности, а мифа,
к чему же тут — статистики поэт?

Простая правда цифр — такая малость!
...Лишь тень его на мраморе осталась —
прочерченный на камне силуэт.

ПРОТОИЕРЕЙ НИКОЛАЙ КОВАЛЬСКИЙ

Как на законченном эскизе,
высокой старческой порой
священник в драгоценной ризе —
на чёрном мраморе габбро.

Он принял мира страшный вызов,
стоял у лагерных ворот;
и вот — скупая плата жизни:
седин святое серебро.

Лишь тот постигнет смысл страданий,
кто побывал на той же грани
сгорающего бытия.

Что он тебе поведать хочет?
Зачем с такой печалью очи
сквозь мрамор смотрят на тебя?

ХИРУРГ ПЁТР САРАФЬЯН

Дух Армении — сладкий и пряный —
в этих бархатных тёмных очах,
в этих кратких речах Сарафьяна,
в этой мощи седого врача,

в этих пыльных солдатских колоннах,
в этих душах, на фронте спасённых,

в этой груди мудрёных наук,
в этом бурном и громком азарте,
в этом хохоте, хмеле и нардах,
в этой чуткости сердца и рук.

И смешной «умирающий лебедь»,
и геройство обыденных дней —
в нашей памяти, в нашей беседе,
в этом камне — на алой стене.

ЛЁТЧИК ВАСИЛИЙ ЗАЙЦЕВ

Так вот твоя последняя обитель:
арбатский полусказочный уют...
Рисковый вольтижёр воздушных пут,
гусар воздушный — лётчик-истребитель!

Что значит бой? Попробуйте, поймите,
как трассеры в мотор прицельно бьют!
Как жить потом — в «коломенском раю»,
в недвижимом, неподъёмном монолите?

И лишь во сне, слетающем нередко:
моторный рёв, нажатие гашетки,
и «мессер», догорающий в «петле»!

Воздушный всадник! Вот он, древний жребий:
ты выжил в обожжённом дымном небе
и был подбит без боя на земле!..

ЕВГЕНИЙ КУЗНЕЦОВ

По Кирбатской — весна дотемна...

Е.К.

В дымке вечера серо-свинцовой
вьют сирени серебряный прах,
и мелодия Кузнецова
запутала в узорных ветвях.

От оград, от Рязанской заставы
до резных москворецких святынь
льётся звон стихотворной забавы —
словно Майсена тонкая синь.

Ну так что ж! — приютимся за чаем,
этой странной усладе внимая...
Только порвано мастерство:

раскатилось жемчужное слово
вдоль по улице Кузнецова —
на Арбат заповедный его.

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ НА ПЕРЕКРЁСТКЕ АРБАТА И МОСКВОРЕЦКОЙ, ГДЕ СТОЯЛ ДОМ ПЕТРОСОВА

С Арбатской в институт пути ведут непрямо.
Неспешною стопой, Поэзии вослед,
Петросов, словно стяг, несёт свой силуэт,
бросая тень окрест: на стены, стёкла, рамы.

...Хотя и дом снесли, а всё ж остался там он,
где дремлющий Посад оцеплен сетью лет,
где целится стихом парнасский арбалет,
где колоколом рифм звенит арбатский мрамор.

Шервинский, Свешников, Ахматова, Пильняк...
их тени вешние не скрыл вечерний мрак,
и эхо здешних стен поёт их именами.

Армянский юноша с седою головой,
Арбата нашего бессменный домовый,
хранит в своём ларце их сладостную память.

УЛИЦА ПУШКИНА

Павлу Сигалу

Когда невзгод зловещие приметы
наспуются личиной чёрных дней,
из чутких книг — яснее и звучней —
мы слышим голос вещего Поэта.

Тем явственней в коломенской весне
Михайловского свежие рассветы.
Он сходит к нам — с альбомов и портретов,
сокрытых в кабинетной глубине!

Мы сбросим пепел вражьего дыханья
весенним ветром пушкинских собраний!
Так пусть царят любовь и Божество,

и пусть играет пунш в чеканной кружке!
Ведь мы не одиноки. С нами Пушкин,
и мы живём на улице его!